

Культура. — 1993. — 4 сент. — С. 11.

Дочки-матери на сцене Парижской оперы

Нозлла Понтуа — прекрасная французская балерина, чей расцвет пришелся на 60-е и 70-е годы. Но и сегодня она не покинула сцену, сочетая артистическую деятельность в родной Парижской опере с педагогической. А рядом трудится сегодня ее дочь Митеки, которая в известной степени повторяет путь мамы: сначала хореографическая школа при Парижской

опере, затем зачисление в кордебалет прославленной группы... Подобное «соседство», похоже, беспрецедентное в истории этого театра, привлекло внимание французского еженедельника «Пари-матч», который задал несколько вопросов Нозлле Понтуа — о ней и, конечно же, о ее дочери.

— Парижской опере вы отдали всю жизнь!

— В этот дом я пришла ребенком; здесь подросла и повзрослела, здесь продолжаю жить по сей день. Может быть, здесь же однажды стану еще и бабушкой: как педагог, я имею право работать до 60 лет.

— Назовите самые незабываемые события вашей жизни, проведенной в этих стенах.

— Когда меня приняли в хореографическую школу при театре, это было огромным счастьем. Но в то же время мне пришлось тогда и очень трудно. Потому что если вы слишком чувствительны, то вас здесь ожидает много страданий и вначале совсем непросто выработать «броню». Приятное само по себе познание танца сопровождается познанием жизни. Приглашение в труппу театра — тоже великое событие, ибо оно означало возможность осуществить цель моей жизни: танцевать. И первые роли, которые мне поручали исполнять, — тоже события. И присуждение звания «этуаль» — «звезда» (высшая ступень иерархической лестницы, по которой поднимаются танцовщики этого театра. — Е. К.) — тоже.

— Вы с самого начала мечтали стать «этуаль»!

— Никогда не мечтала и не думала, что это возможно. Вообще это произошло внезапно. Я была лишь в звании первой солистки, когда на гастролях в Лондоне мне поручили партию Авроры в «Спящей красавице». О моем замечательном успехе стало известно дома, и мне присудили «этуаль».

— «Этуаль» — это дорога к славе!

— «Этуаль» — это не самоцель. Ни в коем случае. Остается еще столькому научиться и столько сделать. Если не продолжать двигаться вперед, то наступает момент, когда вы больше не существуете. Каждый день появляются новые таланты, все подчинено закону «рыночного спроса». После сорока, если Парижская опера отравила вас на пенсию (что она вправе сделать согласно уставу. — Е. К.) и у вас нет анга-

жементов «на стороне», вы вынуждены полностью распрощаться с балетом. На этом возрастном этапе внутри группы, в которую входят «этуаль» нашего театра, образуются как бы две подгруппы: те, кто продолжает танцевать, и те, кто прекращает. В начале каждого сезона я говорю себе, что он будет последним... Нет, я не собираюсь продолжать до восьмидесяти. В такой стране, как Франция, это невозможно. И вообще танец — это искусство, где эстетика тела, красота жеста первостепенны. Поэтому надо уметь вовремя уйти. И я об этом думаю. К счастью, у меня остается преподавание.

— Чаплин говорил, что танцовщик является одновременно монахом и боксером. Разделяете ли вы такой взгляд!

— Не поручусь, что молодое поколение артистов балета соблюдает ту же дисциплину и гигиену жизни, к какой обязывали себя в свое время мы. Многие жизненные удовольствия так и остались мною неизведанными из-за выбранной профессии. Но когда в вас большой заряд творческой энергии, вы не слишком обращаете внимание на подобные лишения. Я, например, совершенно не стремилась к ночным бдениям и не любила разные пирушки. Но молодые артисты нашего театра часто ведут именно такой образ жизни и при этом хотят сделать блестящую карьеру. Не знаю, может ли это долго продолжаться. Мы физически очень выкладываемся, и, чтобы достичь результатов, нужно постоянно держать себя в форме. Ведь цель — это сцена. Зритель должен прикасаться к волшебству. Он не должен замечать усилий, наоборот, ему должно казаться, что все делается легко.

— Создало ли замужество какие-то осложнения для вашей карьеры!

— Рождение ребенка было частью моего утверждения как личности. Если бы я не стала матерью, то мне бы всегда чего-то не доставало.

— Подталкивали ли вы свою дочь Митеки к тому, чтобы пойти по вашим стопам!

— Нет. Просто к шести го-

дам она захотела подражать своим подружкам, которые занимались танцами. А в девять лет ее интерес к балету окреп, и у меня не было права ей мешать. И она встала на этот иногда очень тернистый путь... В пятнадцать с половиной ее уже взяли в кордебалет Парижской оперы... Я не давала ей советов, но, чтобы укрепить ее волю и научить видеть все без прикрас, подчеркивала отрицательные стороны профессии: постоянная усталость, физическая боль, травмы, невозможность быть свободной и беззаботной. Сама я с ней очень мало занималась: только иногда, готовя к экзаменам или отработывая какой-то жест, движение...

— А трудно быть дочерью балерины-«этуаль»!

— Такая ситуация сложна и для нее, и для меня. Когда я присутствую на конкурсных выступлениях, все в зале следит за моей реакцией. Я не могу себе позволить быть «мамочкой», хотя я такая же мать, как и все другие. И Митеки трудно приходится, потому что ее сравнивают со мной и находят не такой «совершенной», как я, забывая, какой я была в ее возрасте. Она неплохо преодолевает эти трудности и потихоньку идет своей дорогой. Время от времени ей дают небольшие роли. Не благодаря маме, а благодаря ее таланту. Я стараюсь от нее держаться как можно дальше...

— Ведь, кажется, это первый случай, когда мать и дочь одновременно работают в балетной труппе Парижской оперы!

— У некоторых танцовщиков театра дети учились или учатся в нашей школе. Но в самом театре это действительно случай уникальный. В декабре мы с дочерью предпримем нечто и вовсе невероятное: будем исполнять две главные женские партии в балете «Щелкунчик» в постановке Джона Ноймайера. Таким образом отметим мои 40 лет работы в Парижской опере, из которых 25 — в звании «этуаль».

Материал подготовила
Елена КАРАСЕВА.

Фото из журнала
«Пари-матч».

